

ВОСПОМИНАНИЕ

Тшверскому ебедженко
 „История“ моего детства
 и всемогущих учителей, друзей по жизни,
 свинских птиц вилерези и гобрек
 вилерези.

В. Ант

сачиваться в ее убогое жилище. И вот она уже стоит в горенке, слабо освещенная тусклым огоньком лампадки. Бросив укоризненный взгляд на лики святых, прекрасная женщина подплыла к кровати, на которой разметавшись в жару, спал Марк. Низко склонившись, женщина стала покрывать нежными материнскими поцелуями лоб паренька.

Автор Алексей Маркович Бондаренко

ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА

Стояла глубокая летняя ночь. В старой, покосившейся на один бок избушке, что сиротливо притулилась на отшибе деревеньки, стоя на коленях перед закопченными сажай конями, молилась женщина. Горестно прижав руки к исхудавшей груди, молила она Бога за сына своего, Марка, который уже пять месяцев неподвижно лежал за печкой на кровати, застеленной старым овечьим тулупом, закрытый от глаз недобрых занавеской. И жить не жил, и умереть не мог. Случилось несчастье. В холодную пору марта, поехал он в далекий околоток за сеном, да видно, силенок не хватило удерживать воз. Перевернулись сани. Быстриком, которым сено придавливают, ударило парня по спине, да так сильно, что подняться он уже не смог. Лошадь, порвав упряжь, прибежала в деревню и ходом пронеслась в свою конюшню.

Старый конюх Евсей, даром, что постоянно был в подпитии, сразу смекнул - случилась беда. Он, долго не думая, зауздал эту же лошадь и без седла, сбивая свой тощий зад об твердый как камень хребет изработанной на тяжелой колхозной работе лошаденке, на махах понесся в тот дальний околоток. Он-то и привез домой уже замерзающего без сознания парня.

Деревенская знахарка, а за глаза — колдунья, бабка Шлапуниха долго «колдовала» над пареньком. В сознание привела, а позже от простудной хвори вылечила. Где травка-

ми, где молитвой, где горячим банным паром. А вот от другого не смогла. Отнялись ноги у парня, а на спине, куда пришелся удар, стал расти горб. Шлапуниха уж и святой водой его поила, и навозом теплым обкладывала. Ничего не помогало. В последний раз, когда Марк заснул после ее процедур тяжелым тревожным сном, она, горестно вздохнув, присела на лавку рядом с его матерью. Долго молчала, изредка бросая взгляд на спящего Марка, потом, подняв виноватые глаза на мать, как бы прося прощения, произнесла:

- Прости, Лизаветка! Боле я уже ничем помочь не могу. Дохтура надо бы, да и где ево взять? Кто в нашу глушь поедет? До города сто верст, и все лесом. А везти парня на телеге нельзя - уж шибко он слаб. Не вынесет он этой дороги по колдобинам да болотам - чай сама понимаешь. Молись, сердешная, Богу молись! Одна у нас надежда на него осталась.

И Шлапуниха, еще горестно повздыхав, собрала свой узелок с травами и, громко шаркая больными от подагры ногами, обутыми для тепла в растоптанные валенки, медленно поплелась домой.

Без сил сидела Лизаветка, не зная, что ей делать. Горе когтистой лапой терзало ее сердце. И не было уже сил терпеть эту боль. Упала она на колени, вознесла взор к строгим лицам, и полились слова молитвы, слова боли в странство, вперемешку с горькими слезами.

Долго молилась Лизаветка. Колени занемели, глаза от слез уже ничего не видели, а она все молила и молила Бога. Но не приходило утешение исстрадавшейся душе ее. Лики святых безучастно смотрели на преклоненную перед ними женщину. Тогда в отчаянии протянула она руки к иконам, и раздался в избушке ее горестный материнский крик:

- Господи! Силы небесные! Если уж вы не хотите помочь, тогда кто же?

Обведя безумным взором горенку, Лизаветка воскликнула вновь:

- Силы небесные! Силы незнанные! Услышите меня. Услышите! Не жить мне без него на этом белом свете! Один он у меня! Боле никого нет! Он сгинет, и я следом уйду! Помоги-и-т-е...

И она без чувств упала на пол.

Молясь, не видела и не слышала Лизаветка, как рядом с ее избушкой стал сгущаться туман. Не такой как обычно, а голубой. Туманное облако медленно подплыло к стене, где было маленькое подслеповатое оконце, и остановилось. Из тумана, словно сотканная из прозрачных голубых нитей, появилась необыкновенной красоты женщина. Скорбно склонив свою прекрасную голову, она слушала мольбу матери, и тоже плакала. Из глаз ее, словно роса при лунном свете, капали голубые слезы.

Не видела и не слышала лежащая на полу в глубоком обмороке Лизаветка, как дрогнуло голубое море, и женщина, медленно тая, туманом стала про-

исцеляющая прохлада наполнила все тело Марка. Он дернулся во сне, словно пытаясь встать, но лишь тихий стон сорвался с его губ.

Женщина улыбнулась и вдруг быстро стала водить своими прозрачными руками над Марком. Из рук ее заструился необыкновенный голубой свет, который постепенно превратился в туман, и словно коконом упеленал всего Марка. Вот женщина, взмахнув еще раз руками, широко расшвыряла их в стороны, повернула ладошки к этому голубому кокону и стала, словно втирая, гладить это туманное одеяние.

Если бы Лизаветка очнулась, то она бы увидела, как воздушная голубая пелена медленно всасывается в тело ее сына. Вот уже и нет ее. А прекрасная женщина все гладит и гладит воздух над Марком. Но вот она остановилась, взмахнула руками, словно стряхивая какую-то тяжесть, и, еще раз нежно куснувшись губами Марка, тихо произнесла: «Живи!»

Затем она подплыла к лежащей на полу Лизаветке. Легким касанием руки дотронулась до ее груди. И снова из ее рук всплыл голубой луч, проникшая уже в тело матери.

- Не плачь, земная женщина, - тихо прошептала незнакомка. - Больше нужды в том не будет. Все твои горести я унесу вместе с туманом. А что недоделала сегодня, дочь моя поправит. Ждите ее в гости. Только не пугайтесь. Знаком мне люддеревенский. Что вам не понятно, того и страшиться. А беда в том, что вы еще младенцы на этой земле. Еще много веков пройдет, пока тайна сия доступна вам станет. Ну, ладно. Спи. Боле беды тебя не коснутся.

И прекрасная незнакомка, окутав себя пеленой голубого марева, улетучилась через оконце, как и пришла.

А Лизаветка и вправду уже спала. Свернувшись калачиком, подложив ладошку под щеку, она спала сном ребенка. И слабая улыбка дрожала на ее губах...

Проснулась Лизаветка лишь под утро от теплого прикосновения. Ничего не понимая, боясь освободиться от такого сла-

достного, исцеляющего сна, которую она испытывала только в детстве, несмело приоткрыла глаза. Перед ней на коленях стоял ее сын, ее Марк, и нежно гладил по щеке.

Лизаветку словно током ударило. Вскочила с пола и, не веря увиденному (может пригрезилось, может спит еще), она широко распахнутыми глазами, в которых заплескалась радость, смотрела и не могла насмотреться на сына.

- Сыночек мой! Родной мой! Да как же это?! Господи! — и она упала на колени перед иконами.

Неистово накладывая на себя кресты, она шептала дрожащими губами: — Помоги! Ты помоги! Слава тебе, Господи! Слава...

Потом, повернувшись к сыну, ласково взяла его за руку, притянула к себе:

- Молись, сынок, молись! — выдохнула она.

Марк, опустившись рядом на колени, нежно обнял мать за плечи.

- погоди, мама, погоди. Лучше послушай, что я тебе расскажу, - сказал он. — Странный сон я видел этой ночью. Да и сон ли был это? До сих пор понять не могу. Будто целовал меня кто-то. И дивной красоты женщина ходила по нашей избе. Да и не ходила вовсе, а будто бы плыла. И так мне хорошо и легко стало! Боль и жар словно улетучились. И кажется мне, что ноги мои снова двигаются, а в душу радость необъяснимая вселяется. Вот такой сон я видел. А утром проснулся, смотрю, ты прямо на голлом полу спишь. Рванулся к тебе, даже про ноги забыл, что они как две колоды у меня! А они, ноженьки-то мои, и вправду ходят! И слушаются меня! И не болят! Вот какие дела дивные, мама, случились этой ночью со мной.

Лизаветка, ахнув, проворно вскочила с колен и заметалась по избе, словно отыскивая что-то. На лице ее было удивленное недоумение. Вот она резко остановилась, с силой что-то вспомнить, и вдруг, медленно подошла к оконцу. Окно было таким, как и раньше, только на окрашенном белой краской подоконнике, как драгоценные бусинки, в лучах восходящего солнышка сверкали капли росы. Не понимая, что она делает, Лизаветка машинально положила свои ладони на эти сверкающие капельки. По телу неведомо как стало быстро расходиться тепло, переходящее в жар. Голова стало легкой-легкой. И воочию увидела Лизаветка ту, кто была у них ночью гостью нежданной... Словно завороненная стояла Лизаветка у окна. Затем отняла руки от подоконника - а они влажные, будто только что родниковой водой омытые, и аромат полевых трав от них идет. Да такой, что всю избу заполнил. Осторожно поднесла Лизаветка руки к лицу своему да и умылась этой росой. И замерла, прислушиваясь к себе. Марк широко раскрытыми от удивления глазами смотрел на мать. Скорбные складки на лице, которые, казалось, навечно поселились там, исчезли. А ее глаза — глаза матери, уже полгода не просыхающие от слез, налились необыкновенной небесной голубизной.

словно отыскивая что-то. На лице ее было удивленное недоумение.

Вот она резко остановилась, с силой что-то вспомнить, и вдруг, медленно подошла к оконцу. Окно было таким, как и раньше, только на окрашенном белой краской подоконнике, как драгоценные бусинки, в лучах восходящего солнышка сверкали капли росы.

Не понимая, что она делает, Лизаветка машинально положила свои ладони на эти сверкающие капельки. По телу неведомо как стало быстро расходиться тепло, переходящее в жар. Голова стало легкой-легкой. И воочию увидела Лизаветка ту, кто была у них ночью гостью нежданной...

Словно завороненная стояла Лизаветка у окна. Затем отняла руки от подоконника - а они влажные, будто только что родниковой водой омытые, и аромат полевых трав от них идет. Да такой, что всю избу заполнил. Осторожно поднесла Лизаветка руки к лицу своему да и умылась этой росой. И замерла, прислушиваясь к себе. Марк широко раскрытыми от удивления глазами смотрел на мать. Скорбные складки на лице, которые, казалось, навечно поселились там, исчезли. А ее глаза — глаза матери, уже полгода не просыхающие от слез, налились необыкновенной небесной голубизной.

- Мама! Мамочка моя! — воскликнул Марк, подбегая к матери. — Я узнал! Я вспомнил! Это ты была! Это твое лицо было в моем сне!

Лизаветка, нежно прижав к себе сына, стала трепетно покрывать его голову поцелуями.

- Нет, сынок, - ласково произнесла она. - Давай присядем, и послушай, что я теперь тебе расскажу.

Продолжение следует

Алексей БОНДАРЕНКО

